

Колев Ю.И., Седова М.С.

Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып.2. Самара, 2004.

с.212

Поселение Шигоны III расположено на западной и южной окраинах с. Шигоны Шигонского района Самарской области, ограничено с южной стороны р.Усой, правым притоком р.Волги, а с запада - ручьем Глиняный. Археологический памятник известен с 1974 года (Салугина, 1975). В 1995 году в связи со строительством газопровода проводились археологические раскопки в западной части памятника (Турецкий, 1996). В результате исследована часть памятника, связанная с русским слоем, относящимся к XVIII веку. В 2003 году раскопки были продолжены М.С.Седовой, и наряду с русским слоем был обнаружен и исследован культурный слой эпохи бронзы, расположенный в прибрежной части памятника.

Особый интерес среди исследованных объектов памятника представляют два погребения финального бронзового века (рис.1). Погребения были обнаружены на южной оконечности поселения на краю надпойменной террасы р.Уса. Эта часть памятника меньше всего пострадала от заселения в XVIII веке, так как здесь не было крупных сооружений позднего времени.

Погребение 1 (рис.1; 2) находилось на глубине от 22 до 30 см от современной поверхности. Нижняя часть костяка и череп были довольно сильно разрушены, и их фрагменты находились уже под слоем современной грунтовой дороги, то есть выше основной части скелета. Костяк лежал в скорченном на правом боку положении, головой на юг-юго-запад. Руки были согнуты в локтях, правая рука лежала кистью перед лицом, левая – в области груди. Вещей при погребенном не обнаружено.

Погребение 2 (рис.2) располагалось в 1,5 м к западу-северо-западу от погребения 1 на глубине 46-60 см от современной поверхности. В погребении обнаружены костяки и отдельные кости пяти погребенных (рис.2, 1). Костяк 1 лежал в скорченном на правом боку положении, головой на юг-юго-запад, правая рука была вытянута вдоль туловища, левая отсутствовала. В области груди погребенного находился наконечник бронзового копья. Костяк 2 лежал с восточной стороны от костяка 1 в скорченном на правом боку положении, головой на юг-юго-запад, сохранившаяся правая рука лежала кистью перед лицом. Костяки 3, 4, расположенные с восточной стороны от костяка 2, сильно разрушены. Судя по расположению их костей, некоторые из которых сохранили анатомический порядок, можно предположить, что погребенные были захоронены также в скорченном положении и ориентированы головой на юг-юго-запад. Среди их костей встречены отдельные кости от костяка 5.

В юго-восточной части погребения обнаружен лежащий на боку глиняный сосуд.

Сосуд (рис.2, 3) представляет собой лепной округлобокий горшок с плоским дном, чуть зауженным слегка отогнутым вечиком, утолщенным налепным валиком в виде округло-уплощенного воротничка. Высота сосуда 16,9 см, максимальный диаметр тулова 20,9 см, дна - 10,4 см. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда, включая шейку и плечики, и выполнен отпечатками гладкого штампа, вырезанного, судя по характерным отпечаткам, из дерева. Орнаментальная композиция состоит из трех горизонтальных рядов косо поставленных отпечатков штампа,

с.213

образующих горизонтальную «елочку» в верхней части шейки. Ниже, по плечикам сосуда расположен ряд косоугольных треугольников, с заполнением из наклонных оттисков штампа и с «бахромой» из коротких отпечатков того же штампа.

Наконечник копья (рис.2, 2) имеет литую втулку с воронковидным расширением диаметром 21-22 мм, листовидное перо с зауженной нижней частью и максимальной шириной в верхней части 27 мм. Общая длина наконечника – 180 мм, длина втулки 25 мм. Вес наконечника 108 г. В нижней части втулки имеются два округлых отверстия диаметром 3 мм для крепления наконечника к древку копья. В верхней части одной из латеральных частей пера имеется небольшое подтреугольное отверстие.

Погребения 1 и 2 объединяет не только ряд общих признаков, но и расположение близко от современной поверхности в слое черной гумусированной супеси, который содержал наибольшее число находок эпохи бронзы. Очертаний могильных ям в обоих случаях не обнаружено, что связано с особенностями почвы.

Погребения, судя по их расположению, стратиграфической позиции в слое памятника, сходству обрядовых черт погребенных, составляют единый погребальный комплекс, возможно, грунтовый могильник на территории поселения. В расположении исследованных погребений и костяков можно увидеть определенную планиграфию, а именно рядность.

Целый ряд обстоятельств заставляет отнести захоронения из раскопа VII Шигонского III поселения к числу немногих известных на сегодняшний день в Волго-Урале погребальных памятников заключительной стадии бронзового века. На это указывают обрядовые особенности комплекса (положение погребенных на правом боку головой на юг-юго-восток), стратиграфическое положение погребений, прорезающих слой позднего бронзового века, а также инвентарь погребения 2, включающий сосуд с орнаментом из косо заштрихованных треугольников и воротничковым утолщением венчика

и бронзовый наконечник копья, не имеющий аналогий в комплексах срубного времени Поволжья.

Возможно, детальное сопоставление обрядовых признаков комплекса и его инвентаря с максимально широким кругом памятников позволит не только уточнить культурно-хронологическую позицию шигонских погребений в системе древностей лесостепного Поволжья, но и даст дополнительный материал для выяснения культурно-хронологического соотношения основных культур заключительного этапа эпохи бронзы.

К заключительной стадии бронзового века в Поволжье и Волго-Уралье относится сравнительно небольшое количество погребальных памятников. Среди них могильник Такталачук, точнее та часть погребений могильника, в которых автор раскопок обнаружил следы черкаскульско-абашевского взаимодействия (Казакон, 1979). Именно для этой группы характерен сравнительно высокий процент погребений с положением умерших на правом боку, головой в юго-восточный сектор и керамика с выраженными андроновскими чертами (желобками, косоугольными треугольниками). Вновь открытые погребальные комплексы с сусканской керамикой или керамикой с андроновскими (федоровскими) чертами (кург.мог. Студенцы, кург.1, погр.1, 2; погр.10 Лебяжинского V поселения) также отличаются положением погребенных на правом боку и ориентировкой преимущественно в юго-восточный сектор (рис.3, 1-6) (Колев, Кузнецов, 2001; Колев, 2000. С.246, 247. Рис.13), хотя встречается и обряд кремации погребенных (Такталачук, погр.345; Покровский IX, кург.3, погр.12, 13 (Моргунова, Халяпин, 2000. С.154-155).

Положение погребенных на правом боку встречено в памятниках обширного региона, включающего южную лесостепь и степную зону от Урала до Днепра. На эти комплексы не раз было обращено внимание исследователей благодаря необычному керамическому инвентарю, сопровождающему захоронения (Березанская, Гершкович, 1983). Культурная атрибуция этих комплексов долгое время не выходила за пределы представлений об эволюции погребального обряда срубной культуры и определенном участии в ее судьбе андроновских или андронидных традиций.

с.214

В настоящее время все больше данных, позволяющих рассматривать положение погребенных на правом боку в качестве определенного культурно-хронологического индикатора. К сожалению, мы не располагаем статистическими сведениями о погребениях подобного типа. Поэтому можем лишь заметить, что в степном Поднепровье среди комплексов с положением погребенных на правом боку, которые включены в число срубных, часто встречаются погребения, которые являлись единственными под насыпью (или сопровождалось впускными захоронениями заведомо более позднего време-

ни). В некоторых из них, например, в погр.4 кург.3 кург. группы VII могильника Прядовка (Ковалева, Ромашко, Чернявская, Христан, 1981. С.20. Рис.3, 4-7), в погр.1 кург.6 могильника Высокое (Отрощенко, 2001. С.161. Рис.32), в погр.1 кург.10 кург. группы XXXIII могильника Пролетарское встречены кубки на поддоне, керамика с андроновскими чертами (рис.3, 12). Нельзя не согласиться с В.В.Отрощенко, который считает погребение из кургана 6 могильника Высокое одним из самых поздних среди бережновско-маевских (Отрощенко, 2001. С.161).

В Северо-Восточном Приазовье и на Северском Донце захоронения с положением умерших на правом боку и керамикой андроновского облика также характеризуют, по мнению исследователей, преимущественно заключительный этап срубной культуры (Литвиненко, 1994; 1999. С.17). Во многих из них встречены кубковидные а андроновидные сосуды и отсутствует собственно срубная керамика (рис.3, 8-10, 13-20), что позволяет оставить вопрос об их культурной принадлежности открытым. Некоторыми исследователями допускается, что отход от традиционного погребального ритуала на завершающем этапе развития бережновско-маевской срубной культуры мог привести к исчезновению срубной культурно-исторической общности (Отрощенко, 2001. С.162), тем более что, по их мнению, лесостепная покровская срубная культура к этому времени уже завершила свое развитие, а ее территорию заняли носители федоровской, черкаскульской, сусканской культур (Отрощенко, 2001. С.171). Прямую миграцию андроновского (федоровского) населения видят исследователи и в некоторых из комплексов Нижнего Поволжья (Мыськов, 1992. С.95).

Положение на правом боку и ориентировка погребенных головой в южный сектор являются, видимо, характерной чертой погребений ивановской культуры степного Поволжья (Колев, Кузнецов, 2001; Колев, 2000. С.256. Рис.29). В 2003 году в Лысогорском районе Саратовской области саратовскими и ростовскими археологами было обнаружено еще одно захоронение с ивановским валиковым сосудом и погребенным, уложенным на правый бок головой на ЮЮЗ. Ориентировка погребенных в южный сектор встречается в погребальных памятниках финального бронзового века Нижнего Дона (Потапов, 2001. С.225-226).

Таким образом, основные обрядовые черты погребального комплекса III Шигонского поселения соответствуют общим тенденциям в развитии погребальной обрядности на обширной территории европейской степи и лесостепи в конце эпохи бронзы, становление которых можно частично связывать с андроновским (сусканско-федоровским) культурным миром.

На заключительный этап эпохи бронзы указывает и сосуд, который сопровождал погребение 2. Наиболее примечательной его особенностью является рельефный «воротничок» и орнамент из «елочки» и косозаштри-

хованных треугольников. Различные сочетания этих элементов орнамента встречены в лесостепном Поволжье на керамике заключительного этапа эпохи бронзы в комплексах, которые могут быть отнесены к атабаевско-межовскому кругу памятников (рис.4. 1-6), сусканской культуре (рис.4, 7-20) или к памятникам ивановской культуры (рис.5). Тонкостенность и плавная профилировка сосуда из шигонского погребения, воротничковое оформление венчика, делают более предпочтительными аналогии среди лесостепных комплексов. Сусканские памятники дают наиболее многочисленные композиции из косоугольных треугольников и елочных мотивов. И тот, и другой мотив восходят, видимо, к андроновской культурной основе, на которой или под влиянием которой формировались сусканские гончарные традиции. Воротничковое же оформление

с.215

венчика наиболее характерно для атабаевских комплексов, сменивших сусканскую культуру в лесостепи и сохранивших многие элементы сусканской орнаментации. Появление воротничковых утолщений, орнамента из елочки и треугольников в комплексах степной ивановской культуры связано, видимо, с воздействием лесостепных традиций.

Таким образом, сосуд из погребения 2 позволяет определить культурную принадлежность шигонского погребального комплекса в рамках лесостепной сусканско-атабаевской традиции. Учитывая воротничковое оформление венчика сосуда, комплекс можно отнести к концу сусканской или к началу атабаевской культуры.

Бронзовый наконечник копья из погребения 2, благодаря необычной форме пера, может быть сопоставлен с достаточно небольшим кругом изделий, что позволяет более или менее определенно судить о его происхождении. Наибольшее сходство наконечник обнаруживает с копьями, которые характеризуются листовидным зауженным пером, крылья которого переходят на бока втулки в качестве ребер. Копья подобного типа связаны преимущественно с территорией распространения сабатиновской культуры. Аналогии им обнаруживают в Венгрии (Черных, 1976. С.102) и Трансильвании (Гершкович, Клочко, Евдокимов, 1986. С.151), а восточные параллели этим копьям (Черных, 1976. С.102) немногочисленны и не безусловны. Использование для изготовления большинства проанализированных образцов металла карпато-трансильванской группы (КТ), связь основных комплексов (Лозовский клад, Красномаяцкая мастерская) с красномаяцким очагом металлообработки также указывает на то, что подобные изделия характеризуют прежде всего сабатиновское производство, территория которого, судя по распространению литейных форм, ограничено на востоке р.Бердой (Гершкович, 1987. С.63). Вместе с тем, необходимо отметить, что у шигонского на-

конечника разделение пера на верхнюю и нижнюю части выражено не так сильно, как у некоторых сабастиновских образцов, у которых верхняя часть имеет форму, близкую ромбической. В этом отношении шигонский наконечник обнаруживает некоторое сходство с наконечниками типа копья из Дремайловского клада, для которого характерно узкое листовидное перо с наибольшим расширением примерно посередине или в верхней части пера, короткая воронковидная втулка. Наконечники подобной формы встречены не только в Поднепровье (рис.6, 14, 15, 18-20), но и в Волго-Камье (рис.6, 16, 17). Вполне вероятно, что наконечники дремайловского и красномаяцкого типа связаны общей производственной традицией, выразившейся в сходстве пропорций пера и втулки, расположении отверстий для крепления древка. Не случайно О.А.Кривцова-Гракова рассматривала дремайловские наконечники в качестве прототипов красномаяцких (Кривцова-Гракова, 1955. С.144). В комплексе Новокиевского поселения на Херсонщине среди форм для отливки наконечников копий дремайловского типа найден обломок формы, в которой первоначально отливались наконечники с узким пером, аналогии которым исследователи обнаруживают среди восточно-средиземноморских наконечников копий позднеэладского периода (Гершкович, Клочко, Евдокимов, 1986. С.150). На наш взгляд, не менее уместно сопоставление этого негатива с наконечниками копий, отливавшимися в Красномаяцкой и Волошской мастерских, и обнаруженных в Лозовском и Добрянковском кладах, среди случайных находок Поднепровья и Северо-Восточного Приазовья (рис.6, 1-9, 11, 12). В таком случае Новокиевский литейный комплекс дает основание для синхронизации красномаяцких и дремайловских наконечников копий, которые представляются родственными типами, распространенными примерно в одно время преимущественно на территории сабастиновской культуры.

В Волго-Камье наконечники копий, сходные с красномаяцкими и дремайловскими пока единичны. Учитывая, что для Волго-Уралья, как и для всей восточной зоны культур финальной бронзы, характерны наконечники копий с прорезными крыльями, появление наконечников типа шигонского представляется скорее всего результатом импорта сабастиновского металла, хотя нельзя исключить и кратковременного производства подобных изделий под влиянием

с.216

сабастиновских традиций. Это производство или импорт были возможны лишь в очень короткий период, связанный с расцветом сабастиновской металлообработки, когда отмечается наиболее заметное воздействие северопричерноморской металлообработки на волго-уральскую (Черных, 1976. С.183). Таким образом, определенное значение для выяснения хронологии шигонского погребального комплекса могли бы иметь хронологиче-

ские реперы для развитой сабаатиновской культуры, с которой связывается производство красномяцких и дремайловских наконечников копий. В последнее время традиционная хронология сабаатиновской культуры, основанная на горизонтах европейских кладов, постепенно корректируется в сторону удревнения. Основанием для такой корректировки становится пересмотр представлений о соотношении сабаатиновских древностей со срубной культурой и с европейскими культурами валиковой керамики (ноа, кослоджени), удревнение начала позднего бронзового века на обширных материалах Балкано-Карпатской зоны, открытие новых комплексов, уточняющих возраст отдельных категорий артефактов (Клочко, 1987. С.74; Чередниченко, 1997. С.29; Савва, 2002. С.223; 2003. С.149). Учитывая эти обстоятельства, можно согласиться с XIV в. до н.э. как наиболее вероятной датой Новокиевской мастерской и развитого этапа сабаатиновской культуры (Гершкович, Клочко, Евдокимов, 1986. С.156-157). Вероятно, эту же или чуть более широкую дату в пределах XIV-XIII вв. можно принять и для комплексов с сабаатиновскими типами изделий в Волго-Камье, в том числе и для погребального комплекса Шигонского III поселения.

Таким образом, погребальный комплекс Шигонского III поселения дает не только материал для изучения культуры и погребального обряда населения лесостепного Поволжья на заключительной стадии бронзового века, но и новые данные для согласования хронологической шкалы волго-уральских древностей позднего бронзового века с хронологическими схемами Северного Причерноморья.

Литература

- Березанская С.С., 1997. Сравнительная характеристика сабаатиновской и срубной культур на территории Украины // Сабаатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев-Николаев-Южноукраинск.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П., 1983. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Гершкович Я.П., 1987. О восточной границе сабаатиновской культуры // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк.
- Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л., 1986. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабаатиновских памятников Нижнего Поднепровья // СА. №2.
- Казаков Е.П., 1979. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татари // СА. №1.
- Клочко В.И., 1987. Система вооружения Лобойковского очага металлообработки // Тезисы докладов областного научно-практического семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М., 1981. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.

Колев Ю.И., 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.

Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф., 2001. Новые погребальные памятники позднего бронзового века в Поволжье // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара.

Кривцова-Гракова О. А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46

Литвиненко Р.О., 1994. Зрубна культура басейну Сіверського Дінца (за матеріалами поховальних пам'яток). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

Литвиненко Р.А., 1999. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.

с.217

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., 2000. Погребения эпохи поздней бронзы у с.Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.IV. Оренбург.

Мыськов Е.П., 1992. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.3. Саратов.

Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.

Потапов В.В., 2001. К вопросу о финальной дате срубной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.

Савва Е., 2002. Генезис, периодизация и абсолютная хронология культуры Ноуа (по материалам погребального обряда) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга I. СПб.

Савва Е.Н., 2003. Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур ноуа-сабагинка с культурами Карпато-Подунавья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть I. М.

Салугина Н.П., 1975. Отчет об археологических разведках в Шигонском районе Куйбышевской области в 1974 году // Архив Института археологии АН РФ.

Туецкий М.А., 1996. Отчет о раскопках III Шигонского поселения в Шигонском районе Самарской области по Открытому листу N562 в 1995 году // Архив Института археологии АН РФ.

Чередниченко Н.Н., 1997. О культурном и хронологическом взаимоотношении срубной и сабагинской культур // Сабагинская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев-Николаев-Южноукраинск.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

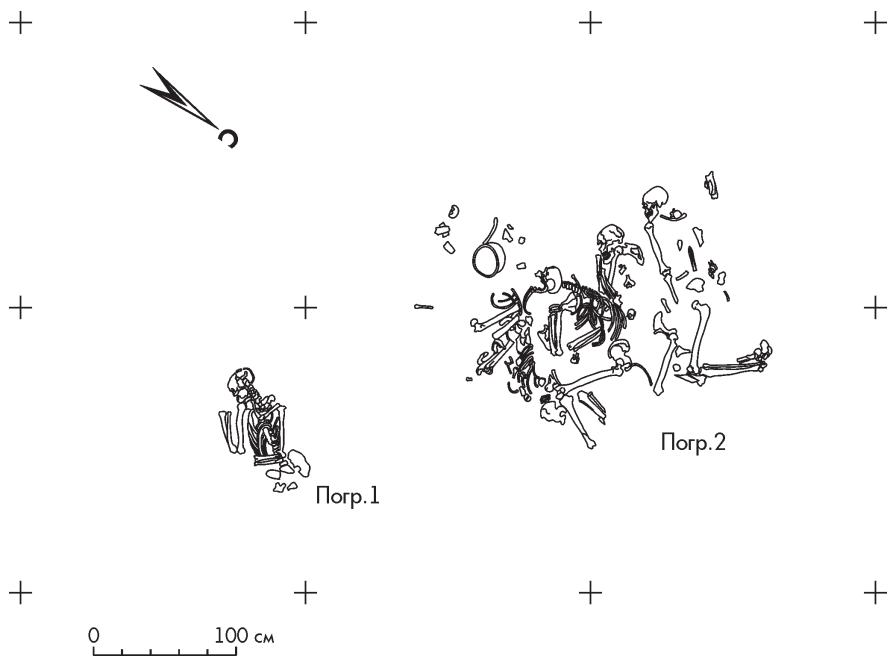

Рис.1. Поселение Шигонское III. План участка раскопа VII с погребениями 1, 2.

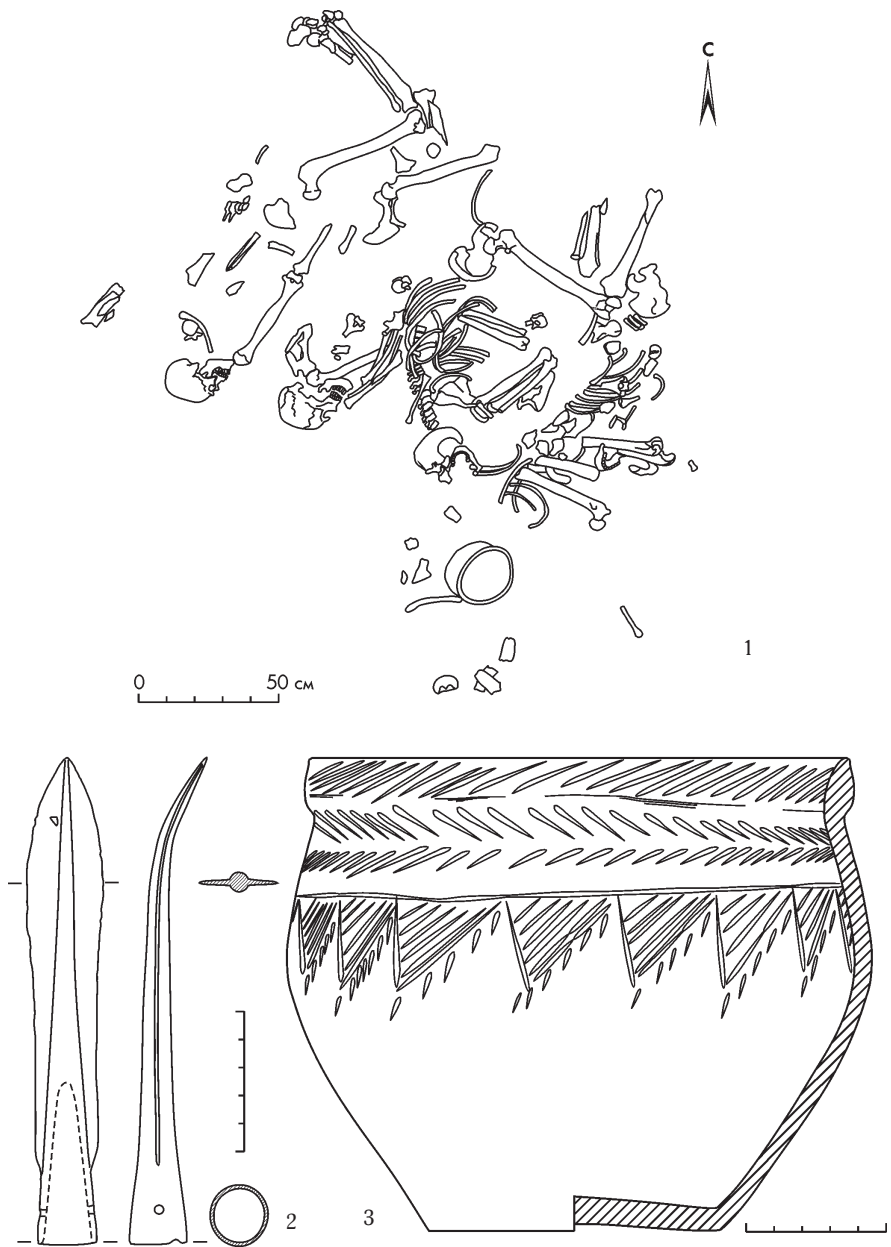

Рис.2. Поселение Шигонское III. Погребение 2, план (1) и инвентарь (2, 3).
2 - бронза, 3 - керамика.

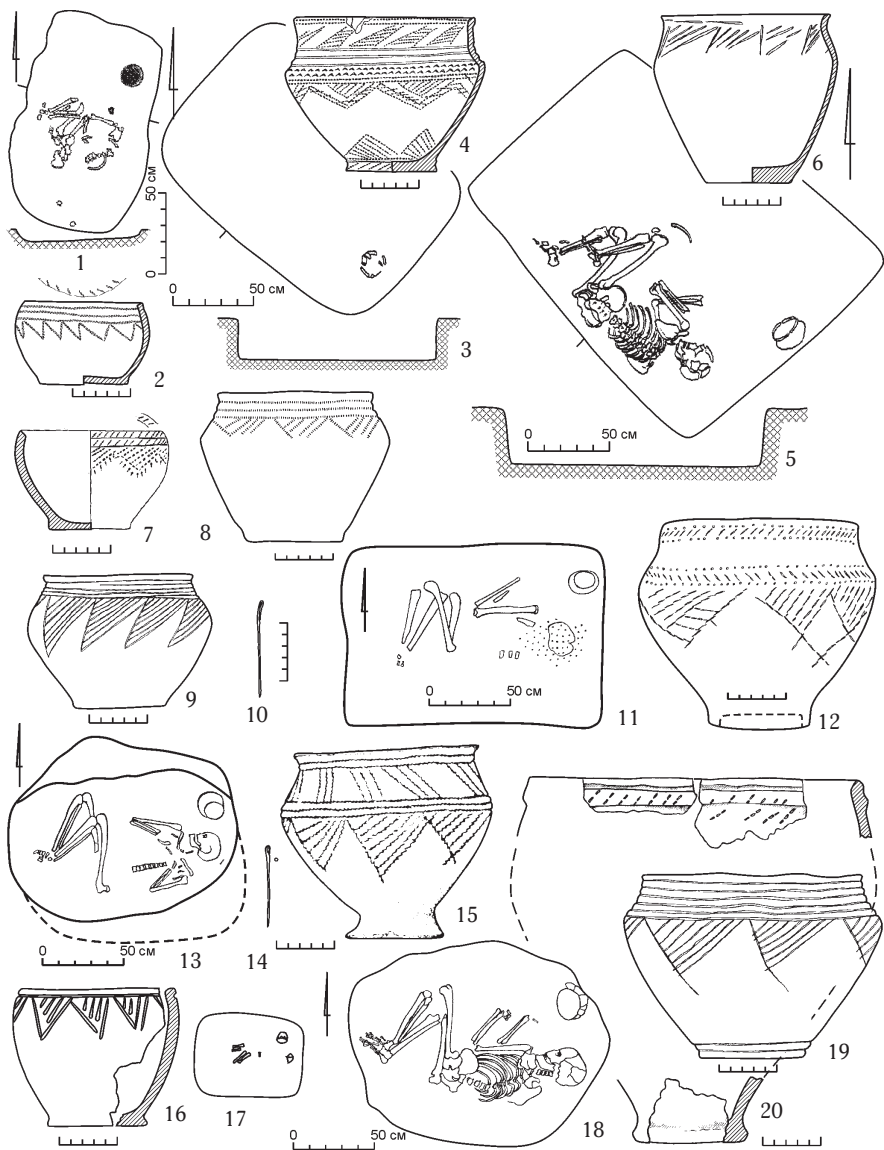

Рис.3. Материалы погребальных комплексов заключительного этапа эпохи бронзы Поволжья (1-6), Приуралья (7), Северского Донца (8-10, 13-20), Поднепровья (11, 12).

1, 2 - пос.Лебяжинка V, погр.10; 3, 4 - Студенцы, кург.1, погр.1; 5, 6 - Студенцы, кург.1, погр.2; 7 - мог.Такталачук, погр.4; 8 - Баба, кург.1, погр.2; 9, 10 - Сокольники, кург.3, погр.2; 11, 12 - Пролетарское, кург.гр.ХХХІІІ, кург.10, погр.1; 13-15 - Терновое, кург.1, погр.1; 16, 17 - Провалье, кург.мог.; 16 - Беева Могила; 18-20 - Зимовники, погр.1.

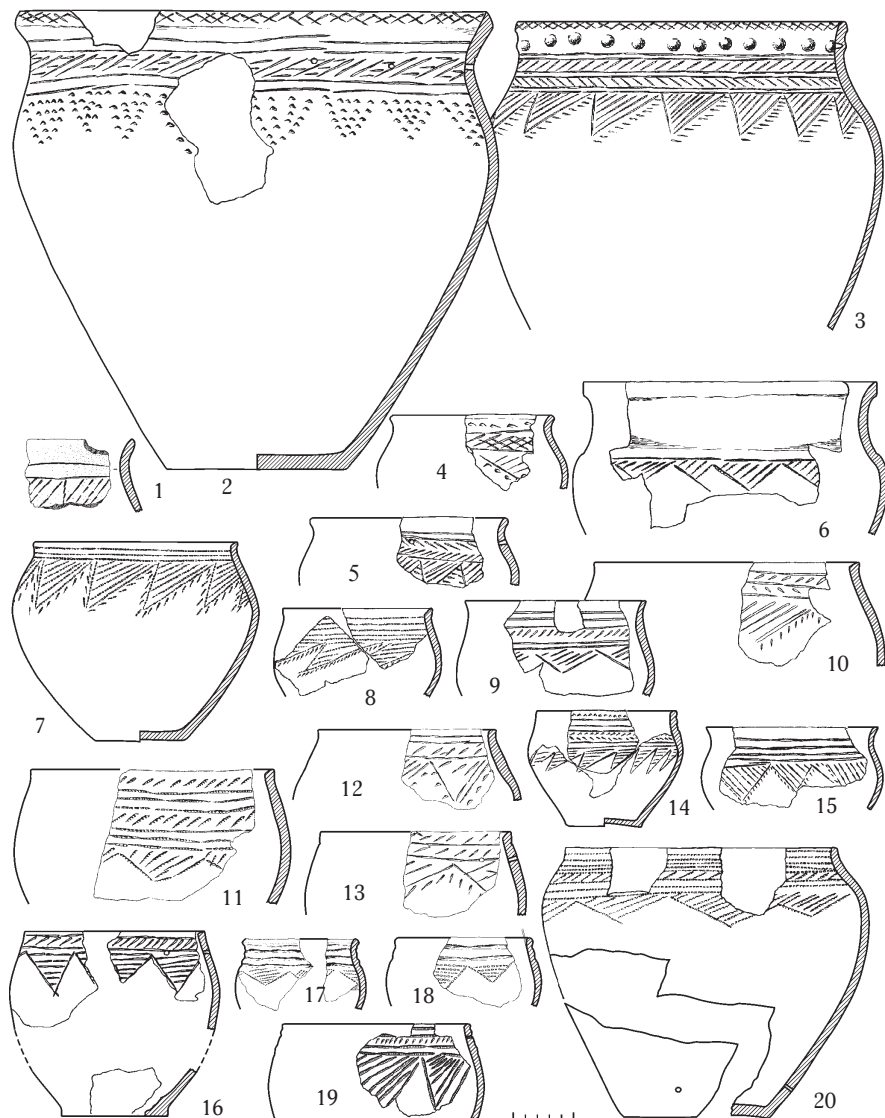

Рис.4. Образцы керамики с атабаевских (1-6) и сусканских (7-20) поселений лесостепного Поволжья.

1 - Грачев Сад; 2, 4-8 - Нижняя Орлянка II; 3, 11-13 - Русская Селитьба II; 9, 10 - I Сусканское; 14-15 - I Луговское; 16-18 - Лебяжинка V; 19 - Екатерининка; 20 - Шигонское II.

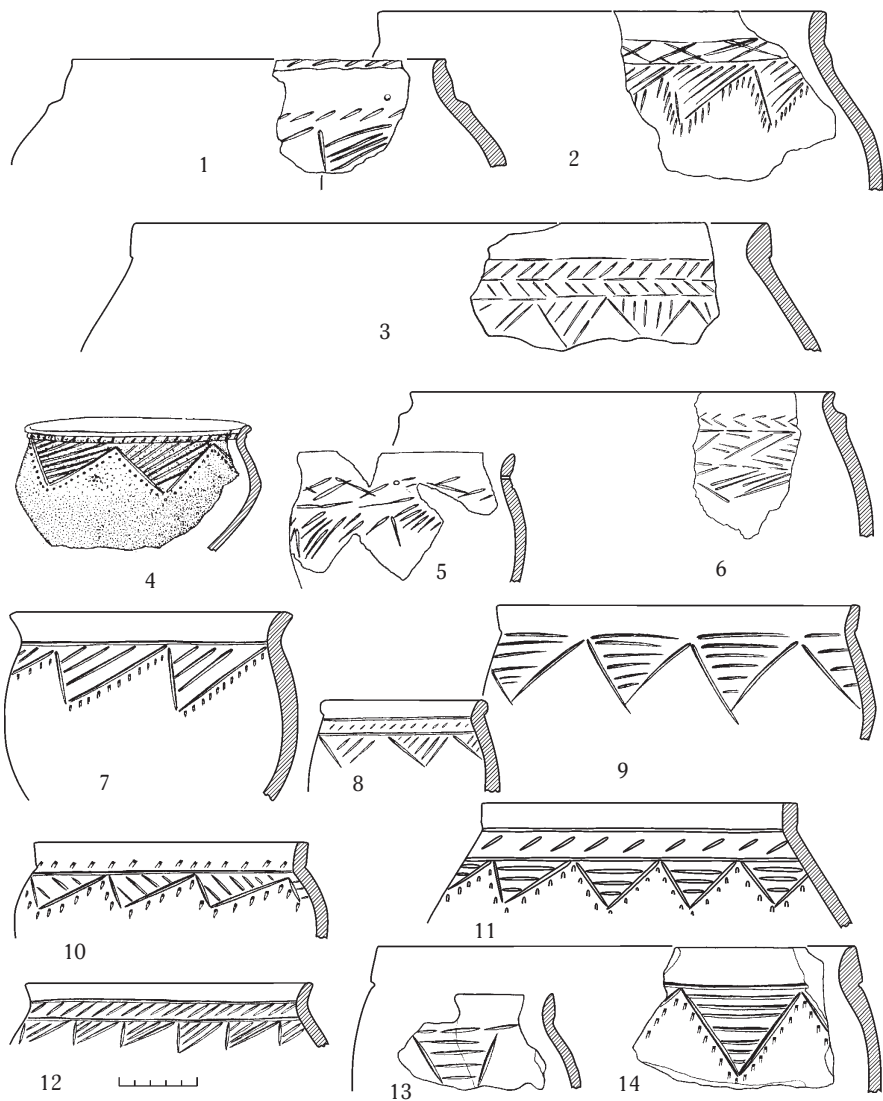

Рис.5. Образцы керамики с ивановских поселений Поволжья (1-3, 5, 6, 13, 14) и Северского Донца (4, 7-12).

1-3 - Танавское гор.; 4 - Ильичевка; 5 - Ерзовка I; 6 - Ново-Покровка II; 7-12 - Шоссейное; 13-14 - Алексеевское гор.

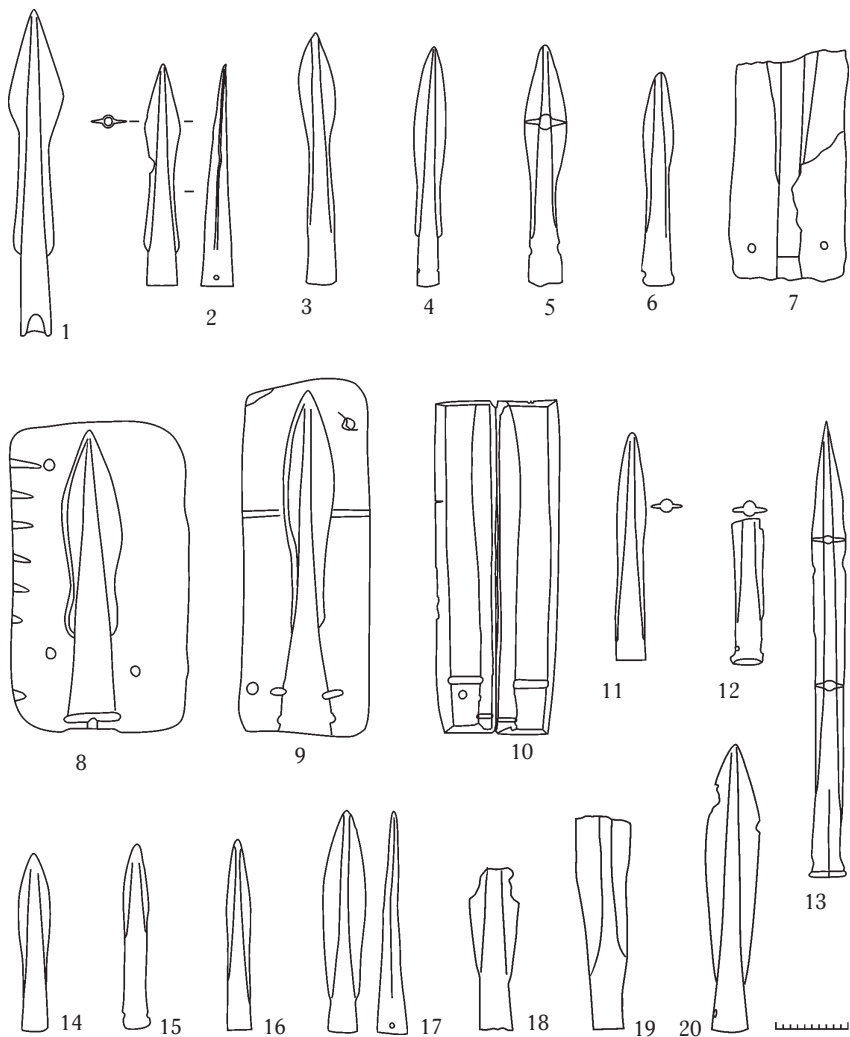

Рис.6. Наконечники копий, типологически близкие наконечнику из погр.2 Шигонского III поселения.

1 - Красное, находка (Закарпатье); 2 - из Северо-Восточного Приазовья; 3 - Игрень, находка; 4 - Добрянка, клад; 5 - Лозовский клад; 6 - Романково, находка; 7 - Волошское I, мастерская; 8, 9 - Красномаяцкая мастерская; 10 - Новокиевская мастерская; 11 - Селище, находка; 12 - Прохоровка, находка; 13 - Ялимос, гробница IV; 14 - Гришенцы, находка; 15 - Лисовичи, находка; 16 - Яльчики, находка; 17 - Грязнуха, находка; 18 - Ненасытенецкий порог, находка; 19 - Шабельники, находка; 20 - Дремайловка, клад.